

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М. М. ГРОМЫКО «МЕСТО СЕЛЬСКОЙ (ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ, СОСЕДСКОЙ) ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ» *

С. А. Маретина

В статье М. М. Громыко мы видим новый и перспективный подход к изучению традиций и их роли в жизни общества. Исследование приводит к углублению представлений о месте традиции в системе историко-философских наук, иногда и к их переосмыслению. Эта тема сейчас привлекает все большее внимание, традиции рассматриваются в рамках общего понятия культуры в качестве механизма формирования и трансмиссии культуры в целом и ее отдельных аспектов. Именно традиции обеспечивают сохранение основного культурного фонда этноса с помощью необходимой для создания этого фонда исторической повторяемости всех сфер культуры, в том числе и социальной. В связи с этим все более насущной становится необходимость как расширения, так и дальнейшей детализации объектов анализа.

Внимание уделяется теперь не только собственно традиционным формам культуры — ими всегда занимались этнографы, но и механизму трансмиссии стереотипов общественного опыта, иначе говоря, механизму воспроизводства культуры. М. М. Громыко идет дальше — она ставит вопрос о вычленении и анализе функционирования тех социальных общностей, которые являются основными носителями традиций, регуляторами и передатчиками форм группового опыта. С этой целью автор обращается к «малым социальным группам». С нашей точки зрения, это правильно, поскольку речь идет о традициях в их этнографическом аспекте, проявляющих себя именно на уровне обозримой устойчивой социальной общности.

В качестве такой «малой социальной группы» — основного носителя традиций — автор выделяет общину. Община как институт социально-экономический известна нам достаточно хорошо. В работе М. М. Громыко акцент делается на другом, практически не изученном аспекте общины: она рассматривается прежде всего как этностабилизирующий социальный организм, обеспечивающий на протяжении многих поколений выработку, накопление и передачу традиций. Объектом специального исследования становятся в первую очередь вопросы, составляющие, по выражению автора, соционормативную культуру этноса: производственные традиции, связанные с хозяйственной деятельностью общины, механизм воспроизводства традиционной культуры в рамках общины, воздействие этой «малой» общности на поведение ее членов и т. п.

Такая роль общины, как механизма формирования и трансмиссии традиций, подтверждается самыми широкими этнографическими мате-

* См.: Сов. этнография, 1984, №№ 5, 6; в откликах ссылки на статью М. М. Громыко (№ 5) даются в тексте с указанием лишь соответствующих страниц.

риалами. Выясняется, что между общиной и традицией существует неразрывная взаимообусловленность, о чем говорит и анализ выделенных М. М. Громыко на примере общины восточных славян функций общины. Сделаем несколько небольших замечаний. Не вполне понятно содержание отдельных функций и их соотношение. Что имеется в виду под культурной функцией (с. 72) — видимо, культура в узком смысле этого слова? Но тогда как эта функция соотносится с религиозно-этической? И не правильнее ли было бы разделить религиозные и этические функции, ведь этические представления существуют в общине и независимо от религиозных.

Но главное другое. В числе основных функций (таких, как земельно-хозяйственная, фискальная, религиозно-этическая и др.) присутствует и специальная функция воспроизводства традиций. Автор, правда, оговаривает условный характер этой функции, ссылаясь на то, что аккумуляция и трансляция традиций существуют не сами по себе, а связаны с осуществлением любой из других функций общины. Думается, следует поднять значение функции воспроизводства традиций над другими, ибо она оказывается интегрированной в состав всех проявлений общинной жизни, постоянно присутствует в них и тем самым приобретает особый, всеобъемлющий для общины характер.

Повсеместно прослеживается нераздельность процессов адаптации к конкретной местности и выработки группового производственного и социального опыта земледельцев. Субъектом выработки такого рода норм, которые, закрепляясь из поколения в поколение, превращались в традиции, была именно община. Действенная роль общины в регулировании производственной жизни, в контроле за соблюдением наиболее рациональных сроков и приемов хозяйствования, в коллективных выступлениях крестьян, в выработке общественного мнения может быть подтверждена материалами по многим народам. Очень наглядно влияние общины и ее идеологии проявляется при анализе общественного мнения, которое формируется длительно и неприметно, а на общем собрании проявляется «открыто и определенно» (с. 71), причем именно общественное мнение создает индивидуальные репутации, так же как репутации семьи и даже общины в целом.

Итак, община — важная сила в процессе формирования и передачи традиций. Но не менее важна и обратная связь от традиции к общине, где активным началом выступает сама традиция, способствующая в свою очередь укреплению и стабилизации общинного коллектива. Именно традиция поддерживает сообщества людей, регламентируя все их действия и поступки. Традиция вмешивается в такие биологические по своей исходной природе процессы, как вступление в брак и рождение детей; здесь действует целая система нормативов. Статус каждого лица — члена той или иной территориальной, кровнородственной или возрастной группы — в общинах разных уровней развития твердо определялся традицией. Более того, на уровне общинной морали традиция управляет всей деятельностью индивида. Любое противоречие общинным традициям могло привести к изгнанию из коллектива, вне которого человек существовать не мог.

Да, община стоит на страже традиций — это убедительно показано в статье. Но сама община, защищая или осуждая своего члена, разбирая то или иное дело, опирается на традиции, которые и делают общину правомочной. Важно подчеркнуть положение о том, что порядок поддерживается и контролируется не только и не столько представителями общинных властей, сколько общиной в целом — сородичами по родовой или родственной группе, соседями, старшими по возрастному классу.

Таким образом, налицо взаимная связь: община как коллектив поддерживает и транслирует общинные формы; в то же время сама общинная структура поддерживается и передается из поколения в поколение силой тех же традиционных норм. При этом существует постоянная динамика культурной традиции, непрерывный процесс преодоления одних социально организованных стереотипов и образования новых. Конечно,

каждое поколение воспринимает существующий порядок таким, каким он был у дедов и прадедов, и поддерживает его, но лишь до тех пор, пока не возникают причины для его изменений, как малозаметных (саморазвитие традиционных институтов), так и принципиальных. Налицо жизненный парадокс: традиция не может не развиваться, пока она живет, т. е. пока живет общество.

Какие причины могут привести к смене или разрушению традиционных порядков? Их несколько, но главная — это нарушение гомеостаза, т. е. динамического равновесия, между природой и всей системой общественных отношений, начиная с хозяйственного базиса, — процесс, сам по себе детерминированный предшествующим развитием и приводящий к коренным переменам в этом развитии. Так, смена подсечно-огневого земледелия орошаемым была вызвана нарушением природного комплекса — обезлесением, эрозией почв и др. и в свою очередь привела через изменение категорий собственности к изменению всей социальной системы: меняются формы семьи, происходит смена общинных лидеров, развивается социальная и имущественная дифференциация и т. д. Община при этом расшатывается вместе со всей системой традиционных норм и обычаев.

Мы говорим о роли общины в передаче по поколениям всей системы традиционных производственных, социальных, идеологических отношений. С удивительной наглядностью можно наблюдать эту трансляцию на примере своеобразного института, который был распространен среди народов различных континентов на определенном этапе их развития — на этапе доклассовой общинно-родовой демократии. Речь идет о мужском доме — центре воспитания мужской молодежи племени и деревни, членами которого были все юноши с 8—12 лет и до вступления в брак. Воспитание в мужском доме — это воспитание традицией, приобщение молодого поколения к обычаям жизни общины и рода. Это происходило и через собственно воспитание — приобретение привычки слушаться старших и подражать их действиям (преемственность опыта), через приобщение к совместному труду, совместному планированию общих работ. Происходило это и через наблюдение: присутствуя на собраниях старейшин, часто проходивших в мужских домах, слушая рассказы стариков о традициях и легендах своего народа, юноши впитывали традиции общинной жизни, которыми и руководствовались в своей дальнейшей деятельности («делать, как отцы и деды»), передавая их в свою очередь своим детям. Это прямое осуществление преемственности коллективного опыта общины. Исчезновение мужского дома (в частности, в связи с распространением христианства) ускоряет разрушение традиционных основ общины.

Община как социально-экономический и политический институт характерна для всех народов, пути ее эволюции имеют единое направление. Повсюду люди трудятся, вступают в брак, образуют сообщества. Но у каждого народа есть своя специфика — этническая. Поэтому общие для всех народов процессы протекают у каждого из них в специфических формах. Именно традиции придают специфическую окраску каждому народу, способствуя их дифференциации в культурном (в широком смысле слова) плане. В этом и выявляется этностабилизирующая роль традиций, а соответственно и роль общины как носителя и хранителя традиций. Теоретическое и практическое значение этого положения, как нам представляется, очень велико.

Мы часто поражаемся стойкости общины, прошедшей от первобытно-общинного строя через все формации; меняя свои формы, она вместе с тем оставалась вместилищем традиционного фонда этнической культуры. Несомненно, эта стойкость, среди прочих причин, связана с пока еще недостаточно исследованным феноменом. Мы имеем в виду общину и традиции в их неразделимости и взаимообусловленности. Община, как я показала, вмещает, сохраняет, передает по наследству традиционные нормы жизни, а традиции обеспечивают стабильность и жизнеспособность общины.

Содержание статьи М. М. Громыко одновременно и шире и уже ее названия. Шире — ибо в статье дается развернутая картина функционирования крестьянской общины вообще, при этом особое внимание уделяется существующему в ней механизму социального контроля, регулирования ее повседневной жизни, короче, организации власти внутри крестьянской общины. И в этом отношении статья безусловно представляет большой научный интерес. Уже — потому что речь в статье М. М. Громыко идет лишь о механизме хранения, но не формирования и изменения традиций; при этом механизм хранения традиций не столько раскрывается, сколько описывается. И это, на наш взгляд, не случайно.

Постоянно пользуясь понятием «традиция», автор не исследует его соотношения с такими понятиями, как «обычай», «норма» и особенно «культура». А настоящая необходимость в этом существует. Рассматриваемая в статье традиция является культурной традицией. Культура крестьянской общины определяется исследователями обычно как традиционная культура. Поэтому обойтись при рассмотрении вопроса о формировании, хранении и изменении традиции в крестьянской общине без того или иного определения культуры невозможно. Необходимо разобратся в понятии «культура». Без этого нельзя выявить сущность традиций. И, что еще более важно, только анализ понятия «культура» позволит выяснить, какие еще категории нужно привлечь, чтобы раскрыть механизм формирования, хранения и изменения традиций.

Как известно, даже в советской литературе, не говоря уже о зарубежной, существует немало различных определений культуры. Разные авторы вкладывают в понятие культура далеко не одинаковый смысл. Не вдаваясь в детали дискуссий по этому вопросу, отметим лишь, что термин «культура» имеет определенное значение, проявляющееся в его повседневном употреблении. И задача исследователя должна состоять не в придумывании какого-то своего, а в выявлении реально существующего смысла этого термина.

Бесспорно, что слово «культура» повседневно употребляется для обозначения совокупности продуктов материального и духовного творчества людей. Такое значение этого термина можно объявлять примитивным, поверхностным, упрощенным, даже полностью несостоятельным, как это делают многие «культурологи»¹, однако оно существует и с этим фактом нельзя не считаться. Именно с таким пониманием культуры связано его подразделение на материальную и духовную.

Однако выделенный выше смысл термина «культура» не является единственно существующим. Он неразрывно связан и переплетается с иным, более глубоким пониманием культуры, которое также выявляется в повседневном употреблении этого термина. Культура именно во втором, а не в первом смысле этого слова имеется в виду, когда говорится о передаче культуры, об овладении культурой, об усвоении культуры, о приобщении к культуре. Именно с подобным пониманием культуры связано противопоставление наличия или отсутствия культуры как у отдельных людей, так и у человеческих групп, употребление для характеристики людей таких прилагательных, как «культурный», «малокультурный», «некультурный». Некоторые «культурологи» категорически высказываются против такого, как они выражаются аксиологического подхода к культуре, считая его противоречащим самой сущности понятия культуры². Однако в таком случае они по существу пытаются подменить смысл термина «культура» ими самими произвольно созданным, что вряд ли может считаться научным подходом.

Если попытаться одним словом выразить второй реальный смысл термина «культура», то им будет слово «опыт». Культура есть опыт деятельности людей, имеющий в конечном счете значение для всего данного кон-

¹ См. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969, с. 7.

² Там же, с. 6.

кретного отдельного общества в целом. Этот опыт передается от поколения к поколению посредством примера, показа и языка и служит для каждого нового поколения исходным руководством к действию. Этот социально значимый опыт жизнедеятельности людей воплощается и закрепляется в языке, произведениях словесности, приемах и способах действий, нормах поведения, наконец, в различного рода материальных вещах (орудиях, сооружениях и т. п.).

Все явления, в которых воплощен этот опыт, носят название явлений культуры. В силу того, что культура как опыт всегда воплощается в явлениях культуры, существует в них, то совокупность их тоже может быть охарактеризована и, как мы видели, обычно характеризуется как культура. Таким образом, первое из рассмотренных реальных значений термина «культура» является производным от второго и главного значения этого термина. Если первое из них берет внешнее проявление культуры, то второе — ее сущность.

В свете подхода к культуре как к общезначимому опыту становится ясным тот ее аспект, который получил название аксиологического. Культурным является человек, который в достаточной степени усвоил накопленный предшествующими и его собственным поколением общественно значимый опыт, некультурным — тот, который к нему не приобщился. При этом важно подчеркнуть, что приобщение к культуре предполагает приобретение не только и даже не столько знаний, сколько умения. Мало знать, как вести себя, необходимо уметь вести себя соответствующим образом.

Понятие преемственности одно из самых важных для характеристики культуры. Культура есть опыт общества, который передается от одного поколения его членов к другому, новому. Это, конечно, не означает, что культура может быть сведена к преемственности. Культура не только передается и усваивается, но и обогащается и развивается. Однако никакое ее обогащение, никакое развитие невозможно без передачи. Любая культура всегда включает в себя как опыт, полученный от предшествующих поколений, т. е. традиции, так и собственный опыт нового поколения, т. е. инновации. В качестве традиций могут выступать как приемы и способы различного рода действий, так и нормы поведения. Одной из важных форм традиции является обычай. Традиционной называется культура, в которой основную роль играет опыт не просто предшествующего, а многих предшествующих поколений. Именно такова культура крестьянской общины.

М. М. Громыко нигде в своей статье не дает определения культуры. Но внимательное ознакомление с содержанием статьи показывает, что фактически под культурой она понимает прежде всего опыт предшествующих поколений. Термином «опыт» она пользуется постоянно наряду с понятием «традиция».

Важнейшую роль в сохранении и передаче традиций, с точки зрения М. М. Громыко, играет общественное мнение крестьянской общины. И в этом она права. Однако в статье во многом остается необъясненным соотношение традиции и общественного мнения. Если, с одной стороны, общественное мнение объявляется главным средством сохранения традиций, то, с другой — само общественное мнение характеризуется как основанное на традициях и действующее в пределах позволяемых традицией. Получается своеобразный замкнутый круг.

Когда речь идет об опыте сельскохозяйственной и других сходных видов деятельности, то этот круг легко размыкается. Данный вид опыта накапливается в процессе взаимодействия с природой. Чтобы добиться успеха, люди должны действовать не любым, а определенным образом, ибо природные условия и свойства материальных вещей являются именно такими, а не иными. Опыт, приобретенный в процессе проб и ошибок, закрепляется в определенных способах деятельности. Конечно, при взаимодействии с внешним миром человек получает знания о различных свойствах тех или иных природных явлений, однако в рассматриваемых условиях они чаще всего выступают не столько сами по себе, сколько со

знанием о приемах, которыми должен пользоваться человек, чтобы добиться успеха. Более того, знания о приемах, правилах деятельности нередко выступают как та форма, в которой выражаются знания о свойствах природных вещей. И общественное мнение навязывает эти способы, эти правила деятельности потому, что люди из поколения в поколение убеждались, что следование этим правилам приводит к удаче, отклонение от них — к неудаче.

Гораздо сложнее обстоит дело с нормами поведения. Почему существуют и действуют именно такие, а не иные формы поведения? Ссылка на традицию не помогает, ибо нужно объяснить, почему возникла именно такая, а не иная традиция. Ссылка на общественное мнение тоже ничего не дает, ибо последнее основано на традиции и не только поддерживает традицию, но само поддерживается традицией. Вообще в данном случае ссылки на культуру, на общественно значимый опыт мало что дают, ибо в тени остается основное — объективный источник норм поведения и общественного мнения. И этот объективный источник невозможно вскрыть, если ограничиться одним лишь понятием культуры. Нужны иные, более важные и глубокие понятия. И таковые существуют.

Совсем не случайно М. М. Громыко, обратившись к вопросу о традициях, из всех перечисленных ею малых групп особо выделила крестьянскую общину. Существует коренное отличие между крестьянской общиной, с одной стороны, и всеми прочими малыми группами — с другой. Такая отвечающая всем формальным признакам малой группы общность людей, как первобытная община, на деле никак не может быть подобным образом охарактеризована. Первобытная община была не малой группой, а самостоятельным отдельным, конкретным обществом — социальным организмом. Соседская крестьянская община уже не была самостоятельным социальным организмом. Однако она обладала некоторыми признаками социального организма, в частности, в ее основе лежали производственные отношения, отличные от тех, что образовывали базис крупного социального организма, в состав которого она входила. Община была социальным суборганизмом³. Обладая собственным базисом, крестьянская община имела и собственную надстройку, включающую в себя идеологические отношения и общественное сознание в узком смысле слова, т. е. только отражение общественных явлений.

Система материальных производственных отношений, лежавшая в основе крестьянской общины, определяла интересы общины, а тем самым и ее волю. Именно эта воля общины и находила свое выражение в морали, в обычном праве, а также в общественном мнении. Таким образом, нормы поведения, общественное мнение имели свою основу не только в прошлом — в накопленном предшествующими поколениями опыте, но и в настоящем — в существующей в общине системе производственных отношений. И так было на каждом этапе развития крестьянской общины.

Здесь мы сталкиваемся с двумя детерминациями общественного сознания в узком смысле этого слова. Одна его детерминация — базисная. Это — определение общественного сознания общественным бытием, т. е. существующей системой производственных отношений. Другая его детерминация — историческая, культурная. Это определение общественного сознания его прошлым состоянием, опытом прошлых поколений, традициями. Из этих двух форм детерминации главной является базисная. Общественное бытие порождает общественное сознание и отражается в нем, определяет его основное содержание. Историческая, культурная детерминация обуславливает в основном лишь ту форму, в которую облекается это объективное содержание. Но вполне понятно, что это прежде всего относится к главным, основным нормам, регулирующим взаимоотношения внутри крестьянской общины. Что же касается мелких, частных норм, особенно тех, которые регулируют не основное содержание, а внешние формы поведения людей, то они могли всецело определяться прошлым опытом людей, т. е. быть в основном культурно детерминированными.

³ Подробнее об этом см. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976.

Из сказанного выше вытекает и определенный подход к понятию «культура». Некоторые исследователи рассматривают его как одно из самых важных, если не самое важное в обществознании⁴. Характеристика того или иного явления как относящегося к сфере культуры, как культурного, выражает для них его внутреннюю сущность. Все же остальные его характеристики рассматриваются ими как второстепенные, частные.

На наш взгляд, такой подход в принципе неверен. Не будем останавливаться на воззрении, согласно которому понятие культуры охватывает, причем в качестве основного, фундаментального, без малейшего исключения все, что относится к обществу, человеческой деятельности и ее результатам. Оно не выдерживает никакой критики. Но вообще не существует явлений, которые были бы только культурными. Нет в обществе никакой особой сферы, по отношению к которой понятие культуры было бы основным, которая могла бы быть названа культурной и только культурной.

Понятие культуры не только относится лишь к части, но не ко всем явлениям, отличным от природных, но оно никогда не выражает сущности явлений, относимых к числу культурных. Оно всегда характеризует их только с одной стороны, иногда очень важной, но все же лишь стороны.

Машины, станки и т. п. могут быть охарактеризованы как явления материальной культуры. Но суть их выражает другое понятие — «средства производства». Философия несомненно относится к духовной культуре общества. Но сущность ее состоит в том, что она является одной из форм общественного сознания. То же самое можно сказать о любом явлении культуры.

Пользуясь одним лишь понятием культуры, невозможно разобраться даже в крестьянской общине, не говоря уже об обществе в целом.

М. Н. Шмелева

Обращение к изучению социально-бытового опыта прошлого, в том числе практики такой социальной группы, как русская крестьянская община, и входящих в нее малых групп (молодежные, семейно-родственные, производственные — различного рода артели и товарищества) представляет интерес для советской этнографической науки как с точки зрения теоретической, так и практической. Без правильного представления о нормах и идеалах, закрепленных в «расхожих» стереотипах, которые основаны на обычае, трудно полностью понять процесс эволюции материальной и духовной культуры; будучи в целом обусловлена социально-экономическим развитием общества в силу своей специфики, она обладает и известной автономией. С другой стороны, изучение этого опыта, органически связанного с историей этноса, открывает возможность сознательно и наиболее эффективно регулировать практику бытового общения и использовать ее в определенной мере в строительстве современного социалистического общества.

Хочется отметить при этом большое значение территориальной общности, т. е. по существу соседских связей, для формирования и передачи поведенческих стереотипов как в прошлом, так и в настоящем — в условиях распространения технических средств массовой коммуникации. Это подтверждается бытовой ситуацией не только в современной деревне, но и в современном городе, например в изучаемых нами городах средней полосы России. Правда, территориальная общность в городе не столь прочна и определена, как в деревне. Она не имеет здесь такой благоприятной почвы для развития, как крестьянская община, которая была:

⁴ См., например: *Маркарян Э. С.* Указ. раб., с. 5; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974, с. 180; *Межуев В. М.* Культура и история. М.: Политиздат, 1977, с. 3 сл.

Из сказанного выше вытекает и определенный подход к понятию «культура». Некоторые исследователи рассматривают его как одно из самых важных, если не самое важное в обществознании⁴. Характеристика того или иного явления как относящегося к сфере культуры, как культурного, выражает для них его внутреннюю сущность. Все же остальные его характеристики рассматриваются ими как второстепенные, частные.

На наш взгляд, такой подход в принципе неверен. Не будем останавливаться на воззрении, согласно которому понятие культуры охватывает, причем в качестве основного, фундаментального, без малейшего исключения все, что относится к обществу, человеческой деятельности и ее результатам. Оно не выдерживает никакой критики. Но вообще не существует явлений, которые были бы только культурными. Нет в обществе никакой особой сферы, по отношению к которой понятие культуры было бы основным, которая могла бы быть названа культурной и только культурной.

Понятие культуры не только относится лишь к части, но не ко всем явлениям, отличным от природных, но оно никогда не выражает сущности явлений, относимых к числу культурных. Оно всегда характеризует их только с одной стороны, иногда очень важной, но все же лишь стороны.

Машины, станки и т. п. могут быть охарактеризованы как явления материальной культуры. Но суть их выражает другое понятие — «средства производства». Философия несомненно относится к духовной культуре общества. Но сущность ее состоит в том, что она является одной из форм общественного сознания. То же самое можно сказать о любом явлении культуры.

Пользуясь одним лишь понятием культуры, невозможно разобраться даже в крестьянской общине, не говоря уже об обществе в целом.

М. Н. Шмелева

Обращение к изучению социально-бытового опыта прошлого, в том числе практики такой социальной группы, как русская крестьянская община, и входящих в нее малых групп (молодежные, семейно-родственные, производственные — различного рода артели и товарищества) представляет интерес для советской этнографической науки как с точки зрения теоретической, так и практической. Без правильного представления о нормах и идеалах, закрепленных в «расхожих» стереотипах, которые основаны на обычае, трудно полностью понять процесс эволюции материальной и духовной культуры; будучи в целом обусловлена социально-экономическим развитием общества в силу своей специфики, она обладает и известной автономией. С другой стороны, изучение этого опыта, органически связанного с историей этноса, открывает возможность сознательно и наиболее эффективно регулировать практику бытового общения и использовать ее в определенной мере в строительстве современного социалистического общества.

Хочется отметить при этом большое значение территориальной общности, т. е. по существу соседских связей, для формирования и передачи поведенческих стереотипов как в прошлом, так и в настоящем — в условиях распространения технических средств массовой коммуникации. Это подтверждается бытовой ситуацией не только в современной деревне, но и в современном городе, например в изучаемых нами городах средней полосы России. Правда, территориальная общность в городе не столь прочна и определена, как в деревне. Она не имеет здесь такой благоприятной почвы для развития, как крестьянская община, которая была:

⁴ См., например: *Маркарян Э. С.* Указ. раб., с. 5; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974, с. 180; *Межуев В. М.* Культура и история. М.: Политиздат, 1977, с. 3 сл.

одновременно и территориальной и хозяйственной единицей. Город вообще всегда предоставлял личности относительно большую свободу, чем село. Не случайно крестьяне-отходники в дореволюционном прошлом, вырвавшись из-под контроля общины с ее круговой порукой и педантичной регламентацией быта, несмотря на все тяготы существования в капиталистическом городе, испытывали здесь известное облегчение и чувство независимости и всячески старались подольше задержаться вдали от деревенских порядков.

В городе, с характерной для него социальной, профессиональной, а иногда и этнокультурной неоднородностью, социальный контроль осуществлялся главным образом в рамках отдельных групп населения через выработанные в этих группах формы общения и средства трансляции традиции. В прошлом рамки эти были довольно жесткими. Изучение среднерусских городов позволяет сделать вывод, что в жизни горожан предреволюционного периода наблюдалось множество отдельных типов бытовой культуры, отличавшихся друг от друга и по структуре, и по функциям. Каждый из таких типов закреплялся в своей более или менее ограниченной среде. Несмотря на наличие общей национальной основы и зональных особенностей в хозяйственной деятельности горожан, в общественной жизни, в том числе в календарных праздниках, в проведении досуга, в материальной культуре отдельные их группы почти не смешивались. Некоторые группы по образу жизни были близки к сельским жителям, и многое в их быту напоминало даже общинные порядки (в городских слободах, в районах городской бедноты, пополнявшихся по мере развития промышленности выходцами из села). Другие группы дальше отошли от старых традиционных обычаев, и у них во всем сильнее проявлялось действие механизма престижа и социального самоутверждения в формах, характерных для капитализировавшегося города. В то же время у передовой части городского населения зарождаются новые формы общественной жизни, которые разовьются в дальнейшем — после Октябрьской революции — и будут оказывать влияние на развитие общества в целом.

В настоящее время в городе нет сколько-нибудь жестких культурно-бытовых перегородок. Существующие различия, при отсутствии антагонистических противоречий и благодаря активной социальной мобильности и многообразному общению между различными группами, обычно перекрываются тем общим, что объединяет всех советских людей. Однако и в прошлом, и теперь территориальная близость, соседство, соседские связи входили и входят в систему ценностей горожан.

В старом городе, с характерной для него замкнутостью быта, при которой, как говорили, «в дом со стороны нельзя попасть даже при похоронах», соседское общение обуславливалось так называемой социальной топографией, т. е. преимущественным расселением в определенных районах города, различавшихся между собой по планировке, бытовому благоустройству, внешнему виду, определенных социальных или социально-профессиональных групп городского населения. Групповой принцип организации социальных связей здесь, таким образом, совпадал с территориальным. Основу их составляла главным образом общность социальных интересов. В условиях существования непримиримых классовых противоречий и беспорядочной конкуренции оценка соседских связей, формы их проявления и содержание, а следовательно, и складывание общественного мнения как средства социального контроля в таких группах находилось под сильным воздействием соображений социального престижа.

В настоящее время в условиях дальнейшего развития культурного и бытового обслуживания, несмотря на значительную индивидуализацию и анонимность городской жизни, при которой проживающие поблизости горожане могут подолгу не встречаться и не знать друг друга, соседские связи, сочетаясь с другими, все же играют свою роль в быту городской семьи и личности. В большинстве случаев речь идет не о соседях по улице, а о тех, которые живут на одной лестничной площадке, в одном подъ-

езде, в одном доме. Совместное проживание на сравнительно ограниченной территории, общие, хотя и небольшие дела по дому, по благоустройству двора, забота о поддержании необходимого для всех благоприятного микроклимата — все это способствует соседскому общению, особенно в городах и районах с преобладанием малоэтажной застройки, где необходимость в самообслуживании жителями ощущается сильнее.

Социальной топографии, подобной дореволюционной, в современном городе нет. Теперь можно говорить лишь о своего рода топографии исторической и отчасти ведомственной, да и то очень условно. Соседство ценится более всего с точки зрения взаимопомощи в повседневном быту и в экстренных случаях, особенно когда поблизости нет родственников. Не случайно это нашло отражение даже в семейных обрядах. Так, в современную городскую свадьбу в некоторых городах Костромской области включаются особые обряды, отражающие близость соседских связей (шуточное одаривание соседями молодых пеленками, распашонками, запасной домашней одеждой на второй день свадьбы).

Часто между соседями устанавливаются постоянные прочные отношения хозяйственной взаимопомощи (различных видов); возникает и духовное общение, выражающееся в обмене советами, информацией, мнениями, в выработке общих взглядов. Такие отношения, особенно у молодых людей, складываются главным образом по принципу избирательности и дружбы, хотя имеет место и соблюдение традиционных правил добрососедства. Не только из дружеского расположения, но и по обычаю соседи участвуют в семейных праздниках, торжествах, обрядах. Они выступают в качестве помощников и гостей на свадьбе и при похоронах, реже в праздниках по поводу родин, включаются в семейные обряды и незваными. Старая традиция участия посторонних (в основном соседей) в свадебном и похоронном обрядах стойко сохраняется как в деревне, так и в городе и в наши дни после некоторого временного затухания обнаруживает даже некоторую тенденцию к дальнейшему развитию. Активность посторонних «глядельщиков» проявляется в соответствии с конкретным обрядом и преимущественно независимо от желания семьи, которая бывает вынуждена с этим считаться, т. е. по обычаю. В настоящее время редко какая свадьба обходится без того, чтобы соседи не перегородили дорогу свадебному поезду; соседи нередко участвуют в обрядовом ряжении на второй день свадьбы и др. Посторонние, присутствующие на свадьбе, могут высказывать свои замечания (одобрительные и неодобрительные), подавать советы, корректировать выполнение отдельных действий. Таким образом, осуществляется социальный контроль за выполнением обрядов, как бы за «чистотой» соблюдаемой традиции.

Не на избирательности связей, а более всего на их обязательности, т. е. на обычае, основан соседский контроль за поведением детей на улице, во дворах городских домов. Он особенно заметен там, где значительную часть населения составляют сравнительно недавние выходцы из села, и заключается в замечаниях детям или в сигналах их родителям в случае нарушения детьми правил поведения или иных отклонений от бытующей нормы.

В соседской среде формируются суждения, касающиеся и различных других фактов бытового поведения людей, в результате чего образуется своего рода общественное мнение, которое прямо или косвенно доводится до сведения одного человека или семьи. Носителями его являются главным образом люди старшего и близкого к нему среднего возраста, которые в силу различных жизненных обстоятельств по сравнению с другими больше времени проводят по месту жительства и в сфере общения вне семейно-родственного круга ориентированы на соседскую среду.

Здесь мы, несомненно, имеем дело с элементами старого традиционного механизма социального контроля, ведущего свое начало от общинных порядков. В современных городских условиях, коренным образом отличающихся от старых деревенских, естественно, он не может проявляться полностью. Ограниченность среды общения, слабая его практическая база, сравнительно небольшой арсенал средств воздействия —

все это обусловлено передвижением территориальных связей, основанных на обычае, на своего рода периферию современной общественной жизни. Эти связи в настоящее время стали в значительной мере второстепенными и находятся несколько в стороне от основных путей развития советской общественности. Общественные организации, работающие по месту жительства (домовые и уличные комитеты, женские советы, товарищеские суды и т. п.), не могут охватить своим контролем все стороны быта, особенно там, где они касаются семьи и семейно-родственной среды (например, в обрядах). Основные функции общественных организаций связаны с просвещением, охраной общественного порядка, отчасти с досугом взрослых и детей. Между тем соседские связи часто способствуют сохранению в быту некоторых архаических традиций, устаревших форм, консервативных представлений и даже образованию специфического обывательского «общественного» мнения, поддерживающего эти явления и способствующего их трансляции в будущее.

Так, например, в 1960-е годы в Калининской области по обычаю в быту стойко сохранялись так называемые «пивные дни» — старые обетные или престольные праздники, традиция которых была очень сильна в старой тверской деревне и в небольших городах. «Гуляли» всей деревней по 2—3 дня, варили общественное, «мирское» пиво, принимали гостей из соседних деревень и из города, хотя религиозная сторона праздника была почти совсем забыта. В настоящее время в некоторых городах Центральной России наблюдается бытование реликтовых обрядов, сопровождающихся ряжением и играми эротического содержания. В свадебном обряде подобные элементы всегда считались обязательными. В настоящее время в связи с развитием игровой части обряда они по сравнению с недавним прошлым получают даже дальнейшее развитие. Делается это в значительной мере под воздействием «общественного» мнения, которое осуждает свадьбы, где не соблюдается «обычный» порядок. Иногда подвергаются осуждению и другие отступления от привычных, давно сложившихся правил поведения в быту, например в распределении домашних работ между мужчиной и женщиной в семье.

Наиболее здоровой средой для выработки общественного мнения как средства социального контроля в условиях социалистического строя, на наш взгляд, является производственный коллектив. В изучаемых нами городах значительную часть среды общения городского населения составляют производственные связи. Они также имеют свои традиции, коренящиеся в быту передовых рабочих прошлого.

Совместный труд, общие заботы, взаимная помощь порождают общность интересов и взглядов. Дружеское расположение у членов одного трудового коллектива обычно постепенно переходит из области производственного быта в сферу быта домашнего. На основе личностных связей возникают более широкие — семейные и семейно-родственные, особенно разветвленные за счет известной преемственности занятий и существования на многих предприятиях трудовых династий. Развитие таких отношений стимулируется в наших условиях самой общественной жизнью на производстве, направленной, в частности, и на укрепление связи производства с семьей. Для производственных контактов городской семьи характерно ярко выраженное общественное начало. Практика официальных и товарищеских поздравлений с днем рождения, торжественное празднование юбилеев, чествование передовиков в присутствии семьи, устройство семейных вечеров и выездов на природу, проведение мероприятий по воспитанию и социализации детей, по развитию подсобного хозяйства и пр. делают эти связи разветвленными и значимыми.

Товарищи по работе наряду с родственниками — участники и помощники в чрезвычайных событиях в семье и в повседневной ее жизни. Связи эти выражаются в различных бытовых формах, многие из которых вошли в обычай, стали традиционными. В этой среде также формируется общественное мнение. Лидерами здесь выступают люди, принадлежащие к наиболее активной части работающего населения. Однако механизм действия общественного мнения на базе производственных связей требует особого рассмотрения.